

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.15)EDN [RHJSZE](https://edn.rhjsze.ru)

Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (2012–2025 ГГ.)

Моисеева Е. М.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Для цитирования: Моисеева, Е. М. Трансформация миграционной политики России в условиях интеграционных процессов и геополитической турбулентности (2012–2025 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 255–279. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.15). EDN [RHJSZE](https://edn.rhjsze.ru).

Аннотация. Статья посвящена трансформации государственной миграционной политики России в 2012–2025 гг. и ее соотношению с динамикой миграционных потоков. Три сменявшие друг друга концепции (2012, 2018, 2025 гг.) декларируют переход от количественных ориентиров к качественно-сбалансированной модели, однако проверка заявленного сдвига эмпирическими данными дает неоднозначные результаты. Гипотеза исследования состоит в том, что динамика миграционного прироста содержит структурные разрывы, обусловленные институциональными изменениями и внешними шоками, а связь между миграционной политикой и миграционными потоками носит двусторонний характер: политика не только формирует потоки, но и сама адаптируется к уже произошедшим сдвигам. В работе использованы нормативно-правовые акты и официальная квартальная статистика за 2006–2025 гг. Выводы относятся к периоду до 2023 г. включительно, поскольку переход на электронный сбор данных в 2024 г. создал методологический разрыв, требующий отдельной корректировки показателей для дальнейших исследований. Применены процедура Бай – Перрона для выявления структурных разрывов в двух спецификациях, а также регрессионный анализ факторов миграционного прироста. Сопоставление результатов на полной (2006–2024 гг.) и сокращенной (2011–2024 гг.) выборках показало, что устойчивыми являются два перелома: III кв. 2016 г. и II кв. 2023 г. Разрыв II кв. 2011 г. отражает смену методологии учета, разрывы 2020–2021 гг. – краткосрочные шоки. Таким образом, периодизация миграционной политики не совпадает с периодизацией миграционных процессов, что указывает на реактивный характер Концепций как рамочных документов. Регрессионный анализ показал, что значимое положительное влияние на прирост оказывают реальная заработная плата и реальный эффективный курс рубля; введение патентов увеличило учтенный прирост, сокращение квот на РВП – снизило; начало СВО оказало наиболее сильное отрицательное влияние. Результаты могут быть использованы для мониторинга реализации Концепции 2026–2030 гг. и прогнозирования миграционных процессов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, структурные разрывы, трансформация, секьюритизация, ЕАЭС, постсоветское пространство, геополитическая турбулентность, трудовая миграция, эмиграция, селективный подход, концепция миграционной политики, статистический анализ

Введение

Миграционная политика России в XXI в. оказалась в центре устойчивого внимания и научных исследований, и публичных дискуссий. С одной стороны, население страны сокращается под влиянием естественной убыли, а потребности экономического и территориального развития объективно требуют пополнения его численности, что может быть достигнуто за счет притока извне. С другой стороны, государство вынуждено выстраивать систему защиты национального рынка труда, культурного пространства и общественной безопасности. На фоне этого противоречия за период с 2012 по 2025 г. сменили друг друга три концепции государственной миграционной политики. Дополнительно ситуация разнонаправленно колебалась под влиянием интеграционных процессов в рамках Евразийского

экономического союза (ЕАЭС)¹, Содружества Независимых Государств (СНГ)² и геополитических шоков.

Первая комплексная концепция государственной миграционной политики была утверждена в 2012 г. Документ разрабатывался в другой реальности: до возвращения Крыма (2014 г.), антироссийских санкций (с 2014 г.), пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.), Специальной военной операции (СВО) на Украине (с 2022 г.). В его рамках миграция рассматривалась как способ смягчить демографические проблемы страны³. Предполагалось, что первая Концепция будет действовать до 2025 г. Но уже в 2019 г. появился второй документ, в котором акцент сместился на безопасность и управляемость миграции⁴. А осенью 2025 г. была утверждена третья Концепция – на 2026–2030 гг., где миграция названа «лишь дополнительным инструментом для реализации мер в экономической сфере»⁵.

Столь быстрая смена стратегических ориентиров отражает скорее реакцию на внешние шоки, чем внутреннюю логику развития политики. Пандемия COVID-19 продемонстрировала хрупкость системы привлечения иностранной рабочей силы. Геополитический кризис 2022 г. вызвал массовое перемещение населения, включая приток беженцев, рост эмиграции российских граждан, переориентацию трудовой миграции и изменение структуры денежных переводов. Ликвидация ФМС, передача функций МВД, переход на электронный формат сбора данных и иные институциональные изменения создали дополнительный пласт трансформации.

Гипотеза исследования состоит в том, что динамика миграционного прироста в России содержит структурные разрывы⁶, совпадающие с ключевыми этапами институциональных изменений и (или) внешними шоками. Другими словами, миграционная политика и миграционные процессы связаны двусторонне: политика не только формирует потоки, но и сама адаптируется к уже произошедшим сдвигам. Часть структурных разрывов обусловлена факторами, лежащими за пределами миграционной сферы как таковой (санкционное давление, пандемия, геополитические шоки и т. п.).

¹ Трудовая миграция // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/migration/faq/work_migration.php (дата обращения: 12.02.2026).

² Решение о Концепции поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств – участников СНГ от 29.11.2024 г. // Исполнительный комитет СНГ : [сайт]. URL: <https://eccis.org/document/7031> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document116/> (дата обращения: 12.02.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 12.02.2026).

⁶ Структурный разрыв – точка во временном ряде, в которой происходит резкое изменение параметров процесса, генерирующего данные: среднего уровня, дисперсии, тренда или всей структуры модели. До и после разрыва ряд описывается различными режимами (сегментами) с разными статистическими характеристиками, и в точке разрыва параметры меняются дискретно, а не плавно.

Цель работы – выявить, как трансформировалась миграционная политика Российской Федерации в 2012–2025 гг., и проверить, подкреплён ли заявленный курс на переход от количественного привлечения к качественному отбору реальными изменениями в потоках. Для этого мы прослеживаем эволюцию целеполагания в трех концепциях, фиксируем влияние внешних шоков на динамику прироста через процедуру Бай – Перрона, оцениваем устойчивость выявленных разрывов на разных границах выборки и проверяем, какие экономические, регуляторные и геополитические факторы определяли динамику прироста, а затем формулируем выводы для постсоветского пространства.

Научная новизна работы обусловлена ракурсом рассмотрения миграционной политики не как изолированной сферы государственного управления, а как элемента системы, который одновременно испытывает давление социально-экономической обстановки, интеграционных процессов и геополитической турбулентности. Мы впервые соотносим эволюцию концепций с эмпирическими сдвигами в потоках, проверяем устойчивость выявленных разрывов к изменению границ выборки и количественно оцениваем, какие факторы определяли динамику миграционных потоков.

Под трансформацией миграционной политики понимается не просто смена документов или корректировка отдельных норм, а качественное изменение самой логики регулирования – представлений о том, зачем государство вмешивается в миграционные процессы и какими средствами оно готово пользоваться.

Обзор научной литературы

Научная литература, посвященная российскому миграционному регулированию, обширна и неоднородна. Историки и правоведы описали эволюцию законодательства, демографы – вклад миграции в численность и состав населения, социологи – адаптационные практики, экономисты – влияние на отрасли. Но работ, прослеживающих весь путь институциональной трансформации и соотносящих изменения в нормативной базе с реальными сдвигами в миграционных потоках, пока немного.

Концептуальные рамки настоящего исследования составляет теория миграционных систем. Ее отправной точкой служат работы Х. Злотник и Х. де Хааса. Х. Злотник предложила рассматривать международную миграцию не как простую сумму двусторонних потоков, а как целостную систему, где страны объединены историческими, экономическими и культурными связями, формирующими устойчивые миграционные коридоры [1]. Х. де Хаас развил эту идею, добавив понятие «транснациональных социальных полей» – сетей, которые связывают мигрантов и их семьи в разных странах и делают миграцию «самоукрепляющимся» процессом [2]. Это означает, что даже когда политические условия меняются радикально, миграционные потоки не обрываются мгновенно – они перестраиваются, но сохраняют системную связность.

М. Б. Денисенко и О. С. Чудиновских еще в 2017 г. указали на разрыв между декларативными целями и практическими механизмами российской миграционной политики [3]. С. М. Попова, А. А. Яник и С. Ф. Карпова выявили высокую частоту изменений правовой базы (до 5–6 поправок в год, в отдельные периоды –

до 15–17), связывая это с адаптивным характером политики [4]. М. А. Парфенова показала, что в опорных категориях миграционного регулирования сформировалось устойчивое ядро, но дискурсивный фокус претерпел существенные изменения [5]. Однако анализ в рамках названных работ остается на уровне текстов документов или правоприменительной практики, тогда как вопрос о том, сопровождались ли институциональные изменения реальными переломами в динамике миграции, остается открытым.

М. С. Иванов анализирует механизмы координации миграционных процессов между государствами – членами ЕАЭС, исходя из гипотезы о том, что повышение эффективности управления должно быть основано на формировании единого миграционного пространства и активном внедрении цифровых решений [6]. Л. Ф. Деловарова и Н. Султанмуратов рассматривают миграцию в странах Центральной Азии в контексте интеграции в ЕАЭС, показывая, что государства этого региона выступают основными донорами рабочей силы для РФ [7]. Данные работы описывают институциональные механизмы интеграции, но не оценивают, в какой мере интеграционные обязательства ограничивают или, напротив, расширяют возможности России по регулированию миграции в условиях геополитической турбулентности.

На момент проведения нашего исследования появилось уже довольно много публикаций, посвященных новой миграционной концепции. В работе С. Ю. Бытько и Ю. Е. Пугачева проводится детальное сравнение документов 2018 и 2025 гг., в ходе которого авторы отслеживают изменения и анализируют факторы, повлиявшие на них. Исследователи отмечают, что многие восприняли новую Концепцию как «удар» по мигрантам и значительное ужесточение политики, тем не менее подчеркивают и ее преемственность с предыдущей редакцией [8]. Ряд исследований фокусируется на технологических аспектах реализации новой концепции. Например, такие нововведения анализируются в статье А. К. Эгембердиева, в том числе внедрение биометрической идентификации, создание цифрового профиля иностранного гражданина и обновленные требования к работодателям. Автор подчеркивает, что концепция 2025 г. формирует «приоритет безопасности над экономическими интересами» и ориентирована на снижение нелегальной миграции и повышение прозрачности пребывания мигрантов в России [9].

В статьях, опубликованных в юридических изданиях, исследуются вопросы эволюции публично-правового регулирования порядка пребывания в Российской Федерации иностранных граждан [напр., 10]. В аналитических работах, в частности в статье Д. Е. Рахимова и К. Х. Рахимова, рассматривается конфликт между экономической целесообразностью и императивами национальной безопасности. Авторы отмечают, что новая модель предполагает «принципиальный переход от либерально-экономической к секьюритизированной модели “контролируемого пребывания”», при которой государство больше не заинтересовано в массовом переселении мигрантов [11].

Отдельный пласт литературы посвящен факторам, определяющим динамику миграционных потоков в России. К. Д. Масланов и Д. А. Тарасова анализируют движение населения из стран Центральной Азии, выделяя как экономические детерминанты (разрыв в доходах, доступность рынка труда), так и институциональные ограничения, включая изменения в патентной системе и квотировании [12].

М. А. Карцева и Ю. Ф. Флоринская на эмпирических данных показывают, что российский рынок труда и динамика реальных доходов выступают ключевыми факторами, определяющими интенсивность и направленность международной миграции [13]. Т. Н. Юдина реконструирует факторную архитектуру миграционных потоков на постсоветском пространстве за 2000–2025 гг., структурируя факторы по четырем блокам: демографический, экономический, институционально-правовой и геополитический [14].

Довольно многочисленны работы, в которых факторы миграции оцениваются количественно с помощью регрессионных моделей, панельных данных и факторного анализа. О. Л. Рыбаковский, анализируя соотношения между экономическими и демографическими характеристиками регионов России за 2017–2023 гг., приходит к выводу, что на региональном уровне связь между миграцией и прямыми экономическими факторами слабая: умеренная корреляция обнаруживается лишь с ценами на рынке жилья и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении [15]. К. В. Сугоняев оценивает силу влияния социально-экономических факторов на межрегиональную миграцию в России, используя данные 78 субъектов РФ, и сопоставляет их с влиянием психологических характеристик населения принимающего региона. Автор отмечает, что большинство включенных социально-экономических показателей демонстрирует значимые корреляционные связи с миграционным приростом, а выявленный паттерн согласуется с результатами других исследователей на данных более ранних периодов [16]. При этом институциональные факторы в литературе рассматриваются преимущественно качественно, а влияние внешних шоков на миграционные потоки изучено фрагментарно.

Итак, обзор литературы показывает, что, несмотря на значительное число публикаций по различным аспектам миграционной политики, целостных исследований, прослеживающих институциональную трансформацию всех трех концепций и одновременно анализирующих взаимосвязь между изменениями в нормативной базе и реальными сдвигами в миграционных потоках, пока недостаточно. Настоящая статья и призвана заполнить эту лакуну.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой работы служит институциональный подход в сочетании с положениями теории миграционных систем. Первый позволяет анализировать формальные нормы в их соотношении с практикой реализации, второй – рассматривать постсоветское пространство как единую, хотя и внутренне неоднородную миграционную систему, объединенную историческими, экономическими и социокультурными отношениями.

Работа опирается на несколько групп источников разного рода. Одну группу составили нормативно-правовые акты: три концепции государственной миграционной политики (2012, 2018 и 2025 гг.), сопутствующие указы, постановления Правительства, ведомственные приказы МВД, а также федеральные законы, вносившие изменения в миграционное законодательство. Другую группу образуют статистические данные по миграции и денежным переводам физических лиц. Напомним, что с августа 2024 г. МВД перешло с бумажных носителей на электронный

формат передачи в Росстат первичной информации о перемещении населения⁷. Это привело к скачкообразному увеличению показателей и сделало такие данные непригодными для анализа в одном ряду с предшествующими годами.

Базово хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 по 2025 г. Для понимания предыстории и обеспечения достаточной мощности инструментов статистического анализа привлекались данные за более ранние годы (вплоть до 2006 г., когда был принят закон № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ»⁸).

Работа сознательно ограничивается макроуровневым анализом официальной статистики. Выборочные обследования мигрантов⁹, позволяющие оценить мотивы, сроки пребывания, состав семей и качественные характеристики потоков, остаются за рамками данного исследования и могут быть использованы в дальнейшем для интерпретации выявленных структурных разрывов.

Основной статистический метод исследования – анализ временных рядов [17]. Перед построением регрессионных моделей все ряды были проверены на стационарность. Для квартального ряда миграционного прироста (I кв. 2006 г. – I кв. 2024 г., 73 наблюдения) тест ADF дал t-статистику $-5,76$ ($p < 0,01$), KPSS – $0,193$ ($p > 0,1$), что позволяет принять гипотезу о стационарности в уровнях. Для выявления структурных разрывов применялась процедура Бай – Перрона на поквартальных данных. Оптимальное число разрывов регрессии определялось по BIC и supF-тестам, максимум – пять разрывов. Процедура проводилась в двух спецификациях, различающихся границами выборки. Для оценки факторов миграционного прироста использована динамическая регрессионная модель с лагом зависимой переменной. Такой выбор обусловлен высокой инерцией миграционного процесса: включение лага зависимой переменной позволило снизить автокорреляцию остатков и отразить эффект запаздывания выбытий.

Переход на ежедневный электронный сбор информации привел к аномальному значению 484 977 человек в IV кв. 2024 г., что искажает результаты тестов, поэтому данные за II кв. 2024–2025 гг. из числа наблюдений исключены. Еще одна смена методики учета имела место в 2011 г. До нее листки статистического учета прибывших и выбывших составлялись только при регистрации по месту жительства (постоянного) на срок 12 месяцев и более. С 2011 г. миграционный учет стал охватывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания (временного) на срок от 9 месяцев. Нововведения касались и выбытий: по истечении срока регистрации мигрант стал автоматически считаться возвратившимся на прежнее место жительства. Вследствие этого число учтенных мигрантов резко выросло, доля временных

⁷ Росстат перешел к получению информации для формирования миграционных данных в электронном виде // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/247959> (дата обращения: 12.02.2026).

⁸ Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24033> (дата обращения: 12.02.2026). Данный закон заменил старую систему прописки уведомительной регистрацией по месту пребывания и закрепил контроль за соблюдением правил учета со стороны государства.

⁹ ИТМ-2019 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 12.02.2026).

мигрантов стала доминирующей, появились переучет и недоучет [18]. Устранить несопоставимость данных Росстата до и после 2011 г. – сложная методологическая задача. В данном исследовании мы оставим их без изменений, но соответствующий скачок миграционных показателей будем трактовать как артефакт.

Еще одно серьезное искажение в данных учета мигрантов было вызвано «пандемийными» мерами, в частности Указом Президента РФ от 15.03.2020 г. № 274, который приостановил течение сроков регистрации для иностранных граждан¹⁰. Из-за этого Росстат перестал фиксировать выбытия, связанные с окончанием срока регистрации. В 2021 г. число выбывших резко сократилось, что искусственно завысило миграционный прирост. Эти «отложенные» выбытия были перенесены на первое полугодие 2022 г. По оценкам, расхождение составило примерно 200 тыс. человек. Поэтому для корректировки показателей от официальных значений миграционного прироста за III и IV кв. мы отняли по 100 тыс., а к показателям I и II кв. 2022 г. по 100 тыс. прибавили.

Результаты

Эволюция целеполагания в трех концепциях

Сравнительный анализ трех миграционных концепций показывает, как менялась логика государственной политики (табл. 1). Изначально, в Концепции 2012 г., миграция рассматривалась как ключевой ресурс демографического и экономического роста: она должна была компенсировать естественную убыль населения страны и регионов. К 2026 г. ее роль заметно сузилась: теперь миграция определяется как вспомогательный инструмент, призванный главным образом решать экономические задачи. Такая эволюция отражает смещение приоритетов: если раньше ставка делалась на масштабный приток, то теперь – на селективный подход и использование человеческого капитала.

При этом между концепциями 2019–2025 и 2026–2030 гг. прослеживается явная преемственность: сохраняются базовые установки о вспомогательной роли миграции и приоритете национальных интересов. Отличия носят скорее уточняющий характер: например, в последней концепции дополнительно выделен вектор научно-технологического развития. В то же время разрыв с подходом 2012 г. глубже: тогда цели формулировались как конкретные результаты (стабилизация численности населения, обеспечение экономики рабочей силой), а позднее акцент сместился на создание условий для решения широкого круга задач от безопасности до сохранения культурного пространства. Такой переход к рамочному целеполаганию сделал формулировки более гибкими. Для оценки эффективности тем не менее необходимы количественно измеримые целевые показатели, которые в концепции 2019–2025 гг. отсутствовали.

Менялась и система принципов. Если в 2012 г. на первый план ставились права и свободы человека, недопущение дискриминации, то начиная с 2019 г. ключевым становится приоритет интересов России и ее граждан. К 2026 г. этот принцип

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45441> (дата обращения: 12.02.2026).

дополняется требованием комплексного учета безопасности и различных направлений развития: социального, экономического, культурного и др. Иными словами, политика постепенно переориентировалась с логики прав человека на логику национальных интересов.

Сдвиг заметен и в постановке задач. Установка на селекцию, обозначенная в 2019 г., к 2026 г. приобрела дополнительное ценностное измерение: теперь прием в гражданство увязан не только с экономическим и профессиональным вкладом, но и с разделяемыми традиционными духовно-нравственными ценностями.

Механизмы реализации также трансформировались. В 2012 г. преобладал программно-целевой подход: квоты, дифференцированные программы переселения и привлечения специалистов, а в 2019 г. акцент сместился на прозрачность процедур и развитие инфраструктуры управления. В концепции 2026–2030 гг. механизмы приобретают выраженный контрольно-селективный характер: профилирование данных, биометрия, электронные уведомления, целевой набор, ограничения для неработающих членов семей мигрантов. Цифровизация, заявленная в 2019 г., здесь существенно усиливается, а целевой организованный набор становится центральным инструментом.

Важной новацией третьей концепции стало появление измеримых целевых показателей: снижение доли нелегальной миграции и правонарушений среди иностранцев, рост доли студентов и работников в рамках организованного набора, увеличение числа мигрантов, разделяющих традиционные ценности, и др. Это попытка уйти от декларативности и выстроить систему объективного контроля за результатами.

Таким образом, прослеживается движение от открытой привлекающей модели к селективной и контролирующей. При этом изменения носят скорее реактивный характер: новые документы закрепляют уже сложившуюся практику, а не задают ее. Преимущество между концепциями 2019 и 2026 годов заметно выше, чем между 2012 и 2019: ключевые установки, сформулированные в 2019 году, в дальнейшем развиваются и детализируются.

Таблица 1

Основные принципы концепций миграционной политики России

Table 1

Key principles of Russia's migration policy concepts

Параметр сравнения	Концепция до 2025 г. (от 13.06.2012)	Концепция 2019–2025 гг. (Указ № 622 от 31.10.2018)	Концепция 2026–2030 гг. (Указ № 738 от 15.10.2025)
Структура документа	7 разделов, 32 пункта, 3 этапа реализации (2012–2015, 2016–2020, 2021–2025 гг.)	Аналогичная структура, 7 разделов, 35 пунктов	9 разделов, 46 пунктов. Добавлены новые главы: «Оценка результатов» и «Ожидаемые результаты»
	П. 21: Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения РФ; стабилизация и увеличение численности постоянного населения РФ; содействие	П. 14: Создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности	П. 20: Создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны, повышения

Продолжение таблицы 1

Параметр сравнения	Концепция до 2025 г. (от 13.06.2012)	Концепция 2019–2025 гг. (Указ № 622 от 31.10.2018)	Концепция 2026–2030 гг. (Указ № 738 от 15.10.2025)
Цель	обеспечению потребности экономики РФ в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей	государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода	качества жизни ее населения, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода
Роль миграции	П. 6: Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии РФ. За последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. П. 7: Переселение мигрантов на постоянное место жительства в РФ становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов	П. 15: Основным источником восполнения населения РФ и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем	П. 21: Основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика должна являться вспомогательным средством для решения экономических проблем.
Основные принципы	П. 22: Обеспечение прав и свобод человека и гражданина; недопустимость любых форм дискриминации; соблюдение норм национального и международного права; гармонизация интересов личности, общества и государства; ...	П. 20: Комплексность решения задач миграционной политики с учетом решения задач социально-экономического, культурного, демографического и иного развития РФ; приоритет интересов РФ и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории; учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения РФ; ...	П. 26: приоритет интересов РФ и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории; комплексность решения задач миграционной политики с учетом необходимости обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного, культурного и иного развития РФ; учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения РФ; ...
Основные задачи	П. 23: создание условий и стимулов для переселения в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; ...	П. 21: Добровольное переселение в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество; въезд в РФ и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому,	П. 27: добровольное переселение в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом; проживание в РФ и прием в гражданство РФ иностранных граждан, которые благодаря своим инвестициям, знаниям, умениям и навыкам вносят вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, а также разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности; въезд в РФ и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические,

Продолжение таблицы 1

Параметр сравнения	Концепция до 2025 г. (от 13.06.2012)	Концепция 2019–2025 гг. (Указ № 622 от 31.10.2018)	Концепция 2026–2030 гг. (Указ № 738 от 15.10.2025)
Основные задачи		социальному и культурному развитию России; ...	деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, осуществлять предпринимательскую деятельность, изучать русский язык, историю и культуру России; осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами исходя из потребности российской экономики в иностранной рабочей силе; ...
Механизмы реализации	П. 24: Содействие добровольному переселению в РФ соотечественников; совершенствование механизма квотирования иностранной рабочей силы; создание дифференцированных программ краткосрочной и долгосрочной трудовой миграции, программ привлечения в страну высококвалифицированных специалистов, программ организованного привлечения иностранных работников; упрощение въезда для осуществления трудовой деятельности и обучения членов семей иностранных работников; совершенствование механизма патентов; ...	П. 22: Обеспечение простоты и прозрачности процедур въезда в РФ, получения права на пребывание, гражданства РФ; совершенствование механизмов реализации Государственной программы добровольного переселения соотечественников; повышение эффективности мер регулирования численности иностранных работников с учетом потребностей экономики РФ; развитие механизмов и увеличение масштабов организованного привлечения иностранных работников; создание информационной инфраструктуры государственного управления в сфере миграции; создание условий для адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей; принятие мер, направленных на недопущение дискриминации иностранных граждан; ...	П. 28: Профилирование данных об иностранных гражданах, регистрация в единой биометрической системе, электронное уведомление о планируемом въезде в РФ; возвращение жителей Донбасса, соотечественников, проживающих за рубежом, содействие переезду в РФ иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности; расширение перечня организованных форм привлечения иностранной рабочей силы, совершенствование механизмов целевого организованного набора, отбор и подготовка иностранных граждан в государствах их проживания; сбор биометрических данных на границе РФ; ограничение пребывания в РФ неработающих и не учащих членов семей иностранных граждан; ...
Ожидаемые результаты	Не сформулированы как измеримые индикаторы	Не сформулированы как измеримые индикаторы	7 конкретных целевых индикаторов к 2030 г. П. 41: снижение числа незаконных мигрантов; снижение уровня преступности и административных правонарушений среди иностранных граждан; снижение доли иностранцев, незаконно осуществляющих трудовую деятельность; снижение доли детей иностранных граждан, не проходящих обучение в РФ; увеличение доли иностранных студентов в российских вузах; увеличение доли иностранных работников в рамках целевого организованного набора; увеличение числа иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Источник: составлено автором по результатам анализа миграционных концепций

Помимо концепций, на динамику потоков влияют и конкретные правоприменительные режимы. К ним относятся, например, режим контролируемого пребывания (РКЛ)¹¹, практика высылки¹², региональные ограничения на привлечение иностранных работников¹³, а также новые системы миграционного учета¹⁴. Примечательно, что эти инструменты далеко не всегда получают отражение в стратегических документах, и тем не менее именно они во многом задают реальный вектор миграционной политики.

Показательны в этом отношении события 2017 г. и меры, принятые в разгар пандемии 2020–2021 гг. Так, переломный момент в 2017 г. сопровождался введением сразу нескольких жестких мер: запреты на въезд для лиц с нарушениями миграционного режима¹⁵, сокращение квот на выдачу разрешений на временное проживание¹⁶. Не менее значимым стал и сдвиг 2021 г., во многом обусловленный приостановкой течения сроков регистрации по Указу № 274¹⁷. Эта мера породила серьезные искажения в учете выбытия мигрантов: формально статистика фиксировала меньший отток, из-за чего миграционный прирост оказался искусственно завышен.

Таким образом, хотя стратегические концепции очерчивают общие цели и приоритеты, реальные колебания миграционных потоков зачастую определяются не обновлением доктринальных документов, а конкретными решениями правоприменителей и отдельными административными актами.

Структурные разрывы в динамике миграционного прироста

Для выявления переломных моментов применена процедура Бай – Перрона в двух спецификациях, различающихся границами выборки (см. Приложение). Такое решение обусловлено методологической неоднородностью ряда: до 2011 г. текущий учет охватывал преимущественно миграцию на постоянное место жительства,

¹¹ Реестр контролируемых лиц // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/реестр-контролируемых-лиц/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹² Статья 9.1. Режим высылки. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/184755/5434a9dc4ceb5e696a30fe12e328d51d/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹³ Справочная информация: «Запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, к работе по отдельным видам экономической деятельности в субъектах Российской Федерации» // Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478180/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁴ Новый сервис для мигрантов «Амина»: что это такое, для чего нужен и как будет работать // Российская газета : [сайт]. 26.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/26/aminu-znaesh.html> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁵ Федеральный закон О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 01.07.2017 N 131-ФЗ // Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219017/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁶ На 2017 год снижена квота на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в РФ // Консультант Плюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/51603.html> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45441> (дата обращения: 12.02.2026).

после – включал значительные совокупности лиц с временной регистрацией на срок 9 месяцев и более. Сопоставление результатов на полной и сокращенной выборках позволяет отделить устойчивые переломы от возможных артефактов. Ряд стационарен ($ADF: t = -5,76, p < 0,01; KPSS: LM = 0,193$). Стандартные ошибки рассчитаны с поправкой на гетероскедастичность и автокорреляцию¹⁸. При стандартном тримминге 15%¹⁹ разрывы не обнаруживаются из-за высокой волатильности квартальных данных (коэффициент вариации ~95%).

При тримминге 5% и уровне значимости 5% последовательная процедура «L+1 против L» выявила пять разрывов на полной выборке ($N = 74$ наблюдения; I кв. 2006 г. – II кв. 2024 г.): II кв. 2011 г., III кв. 2016 г., II кв. 2020 г., I кв. 2021 г. и II кв. 2023 г. Совокупная статистика $supF(5|0) = 15,3$ находится на границе 10%-го критического уровня, то есть конфигурация из пяти разрывов статистически погранична (рис. 1).

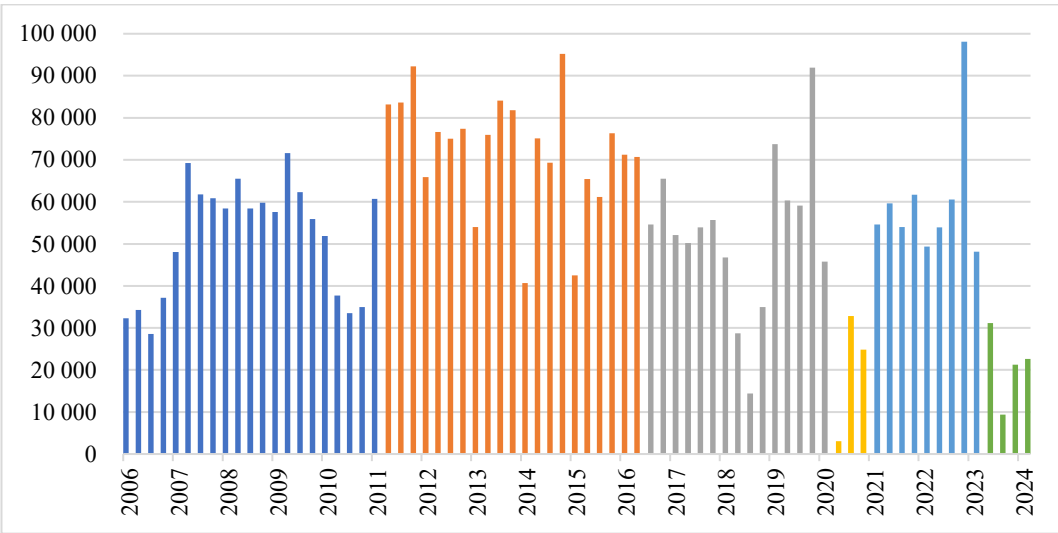


Рис. 1. Динамика миграционного прироста в России в 2006–2023 гг. и структурные разрывы по тесту Бай – Перрона

Fig. 1. Dynamics of net migration in Russia, 2006–2023, and structural breaks based on the Bai – Perron test

Источник: расчеты автора по данным Росстата²⁰

Примечание: данные за 2021–2022 гг. скорректированы; разрыв 2011 г. является методологическим артефактом, разрывы 2020–2021 гг. неустойчивы

¹⁸ НАС, ядро Бартлетта, фиксированная ширина окна Ньюи – Уэста = 4.

¹⁹ Тримминг – ограничение на минимальное расстояние между структурными разрывами и от концов ряда. Задается как доля от общей длины ряда и определяет, какие точки могут рассматриваться как кандидаты на разрыв, а какие нет.

²⁰ Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 12.02.2026).

Для проверки устойчивости процедура повторена на укороченной выборке I кв. 2011 г. – II кв. 2024 г. ($N = 54$), исключающей период до смены методики учета. На ней сохраняются только два разрыва: III кв. 2016 г. и II кв. 2023 г., а совокупная статистика $\text{supF}(2|0) = 23,8$ значима на 1%-ном уровне. Таким образом, устойчивую основу периодизации составляют два перелома. Разрыв 2011 г. отражает смену методологии учета, а разрывы 2020–2021 гг. – краткосрочные шоки.

Сравнение двух спецификаций показывает, что модель, построенная на полной выборке, имеет лучшие значения информационных критериев (AIC, BIC, HQ) и более высокий коэффициент детерминации. Это свидетельствует в пользу рассмотрения ее результатов, несмотря на наличие артефактов.

Выявленные сдвиги можно содержательно интерпретировать. Разрыв II кв. 2011 г. связан с изменением методологии статистического учета. Вследствие него средний квартальный прирост резко увеличился с 51,3 тыс. человек до 72,3 тыс. Не менее половины этого роста было обусловлено именно сменой методики: если бы правила не изменились, миграционный прирост, вероятно, продолжал бы медленно сокращаться [19]. Заметим, что описанное изменение произошло на фоне подготовки новой Концепции миграционной политики РФ на 2012–2025 гг., которая декларировала необходимость привлечения трудовых ресурсов для компенсации сокращения трудоспособного населения. Разрыв выявлен только на полной выборке, поскольку в конфигурации со стартом с 2011 г. он выходит на границу периода наблюдения.

Разрыв 2016 г. III кв. фиксирует начало устойчивого снижения миграционного прироста, вызванное постепенным исчерпанием модели экстенсивного привлечения мигрантов. Средний квартальный показатель упал с 72,3 тыс. человек (II кв. 2011 г. – II кв. 2016 г.) до 53,7 тыс. (III кв. 2016 г. – I кв. 2020 г.), то есть на четверть. Это один из двух разрывов, устойчиво воспроизводимых в обеих спецификациях. Содержательно он совпадает с ужесточением миграционного законодательства: введением запретов на въезд для нарушителей, сокращением квот на разрешения на временное проживание. Снижение цен на энергоносители, девальвация рубля и падение реальных доходов населения также уменьшили привлекательность России для трудовых мигрантов. Сказался и «эффект запаздывания»: резкое увеличение числа прибывших в 2011–2013 гг. сменилось ростом числа выбывающих по истечении срока их регистрации.

Разрыв II кв. 2020 г. можно интерпретировать как следствие пандемийных ограничений. На фоне закрытия границ средний квартальный прирост в сегменте 2020 г. II кв. – IV кв. упал до 20,2 тыс. человек (минимум – 3,1 тыс. во II кв. 2020 г.). Однако данный сегмент состоит всего из трех наблюдений, и разрыв не воспроизводится на укороченной выборке.

Разрыв I кв. 2021 г. отражает восстановление миграционных потоков по мере преодоления последствий пандемии: средний квартальный прирост в I кв. 2021 г. – I кв. 2023 г. составил 57,0 тыс. человек, что практически совпадает с показателем допандемийного сегмента 2016–2020 гг. (53,7 тыс.). Разрывы 2020 и 2021 гг. в совокупности описывают V-образное отклонение, а не смену режима. Отметим, что в первичных данных 2021 г. выбытия, связанные с окончанием срока регистрации по Указу № 274, не фиксировались, что завышало прирост. После проведенной

нами корректировки данных эти артефакты устранены, а фиксировавшиеся ранее отрицательные значения I–II кв. 2022 г. сменились положительными (49,3 и 53,9 тыс. человек соответственно).

Стоит отметить, что средние уровни устойчивых сегментов совпадают в двух спецификациях с высокой точностью (см. Приложение): для сегмента 2011–2016 гг. различие составляет 0,7% и объясняется одним дополнительным наблюдением, а финальный сегмент 2023–2024 гг. идентичен в обеих конфигурациях (18 312 человек). Сегмент 2016–2023 гг. сокращенной выборки (51 093) совпадает со средневзвешенным значением трех сегментов полной выборки за тот же период. Это означает, что укороченная выборка не отвергает наличие пандемийных эпизодов внутри сегмента 2016–2023 гг. – она просто не считает их достаточными для выделения в самостоятельные режимы при данном числе наблюдений и уровне значимости.

Выявленные разрывы показывают, что квартальная статистика миграционного прироста чувствительна не только к реальным изменениям потоков и социально-экономическим условиям, но и к изменениям методологии учета, и административным решениям, и внешним шокам. Поэтому интерпретация структурных сдвигов требует разделять методологические артефакты, краткосрочные эффекты и устойчивые изменения самих миграционных потоков.

Оценка факторов миграционного прироста

Даты обнаруженных нами структурных сдвигов указывают на то, что миграционный ряд не является однородным по всей выборке: траектория прироста фрагментируется на режимы, связанные с изменением институциональной среды и внешними шоками. Это определило конструкцию эконометрической модели: наряду с экономическими переменными тестировались дамми-переменные²¹, соответствующие отдельным структурным сдвигам.

В модели проверялись следующие гипотезы. Предполагалось, что укрепление реального эффективного курса рубля, рост реальной заработной платы и цен на нефть положительно влияют на миграционный прирост, поскольку повышают привлекательность России как принимающей страны. Рост безработицы и увеличение числа новых санкций, напротив, должны снижать приток. Введение патентной системы рассматривалось как фактор, упрощающий оформление трудовых мигрантов из безвизовых стран и увеличивающий учтенный прирост за счет легализации ранее неформальных мигрантов. Сокращение квот на разрешения на временное проживание (РВП), ужесточение правил регистрации и цифровизация контроля – как ограничительные меры, снижающие приток. Для пандемии COVID-19 и начала СВО как внешних шоков международного уровня ожидался значимый отрицательный эффект (табл. 2).

²¹ Фиктивные переменные, где 0 обозначает отсутствие, а 1 – наличие.

Таблица 2

Описание переменных

Table 2

Variables description

Переменная	Имя	Описание	Источник данных
Y	Migr	Миграционный прирост, человек	Доклад «Социально-экономическое положение России» ²²
X ₁	Rubl	Индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, в % прироста к предыдущему периоду	Банк России ²³
X ₂	Urals	Средний уровень цены нефти сорта «Юралс», долл. США/барр.	Минэкономразвития ²⁴ , ФНС ²⁵
X ₃	Wage	Реальная начисленная заработная плата в % к предыдущему периоду	Доклад «Социально-экономическое положение России»
X ₄	Unemp	Уровень безработицы, %	Доклад «Социально-экономическое положение России»
X ₅	Sanc	Количество новых санкций против РФ, введенных за квартал	Поиск в открытых источниках
X ₆	Covid	Падения Covid-19, дамми-переменная	-
X ₇	SVO	Специальная военная операция, дамми-переменная	-
X ₈	Patent	Действие патентной системы, дамми-переменная	Закон № 357-ФЗ от 24.11.2014 г. ²⁶
X ₉	Quota	Сокращение квот на РВП, дамми-переменная	Закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 г. ²⁷ Ст. 6, п. 2
X ₁₀	Reg	Регистрация по фактическому месту пребывания, дамми-переменная	Закон № 163-ФЗ от 27.06.2018 г. ²⁸
X ₁₁	Digit	Цифровизация контроля, дамми-переменная	Закон № 316-ФЗ от 10.07.2023 г. ²⁹

Источник: составлено автором

Обозначим, что большую половину всех иностранных граждан, находящихся в России, составляют трудовые мигранты и члены их семей. В данном исследовании мы не разделяем потоки по целям, но все же считаем оправданным включение

²² Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 12.02.2026).

²³ Статистика внешнего сектора // Банк России : [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/er/ (дата обращения: 12.02.2026).

²⁴ Конъюнктура мировых товарных рынков // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/ (дата обращения: 12.02.2026).

²⁵ Письма ФНС России, обязательные для применения налоговыми органами // Федеральная налоговая служба : [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/ (дата обращения: 12.02.2026).

²⁶ Федеральный закон от 24.11.2014 г. № 357-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39076> (дата обращения: 12.02.2026).

²⁷ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669> (дата обращения: 12.02.2026).

²⁸ Федеральный закон от 27.06.2018 г. № 163-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43244> (дата обращения: 12.02.2026).

²⁹ Федеральный закон от 10.07.2023 г. № 316-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49511> (дата обращения: 12.02.2026).

в модель факторов, которые гипотетически влияют в первую очередь на иностранных работников.

Базовая спецификация оценивалась на выборке II кв. 2006 г. – I кв. 2024 г. ($n = 72$) методом наименьших квадратов с HAC-ошибками³⁰ для борьбы с гетероскедастичностью и автокорреляциями, характерным для квартальных данных. При подгонке модели факторные переменные последовательно исключались, если оказывались статистически незначимы ($p > 0,10$), не улучшали информационные критерии³¹ и одновременно не являлись теоретически необходимыми для контроля. В итоге базовая спецификация приобрела следующий вид:

$$Migr_t = \beta_0 + \beta_1 Rubl_t + \beta_2 Wage_t + \beta_3 \ln Urals_t + \beta_4 Covid_t + \beta_5 SVO_t + \beta_6 Ratent_t + \beta_7 Quota_t + \beta_8 Migr_{t-1} + \varepsilon_t \quad (1)$$

Для проверки состоятельности оценок использовалась альтернативная модель с инструментированием лага зависимой переменной его вторым лагом – $Migr_{t-2}$ (2МНК, $n = 71$). Обе модели включают одинаковый набор регрессоров и различаются только методом оценивания.

Базовая модель в целом значима ($F(8; 63) = 13,0$; $p < 0,001$) и объясняет около 44% дисперсии зависимой переменной после поправки на число регрессоров ($Adj R^2 = 0,443$), что для квартального ряда является приемлемым результатом. Включение лага зависимой переменной позволило снизить автокорреляцию остатков по сравнению со статическими спецификациями (параметр ρ сократился с 0,43–0,54 до 0,06). Вместе с тем h -статистика Дарбина (2,48) указывает на сохранение автокорреляции первого порядка, что учитывается при интерпретации уровня значимости коэффициентов благодаря применению HAC-ошибок (табл. 3).

Сопоставление оценок моделей МНК (методом наименьших квадратов) и 2МНК (двухшаговым методом наименьших квадратов) показывает совпадение знаков и уровней значимости всех ключевых переменных. Величины коэффициентов также близки ($Wage$: 436 против 419; $Patent$: 12 394 против 13 207; $Quota$: –9 055 против –10 611; SVO : –13 077 против –14 963). Единственное заметное расхождение касается коэффициента инерции, однако тест Хаусмана значимого различия не выявляет. Совокупность результатов позволяет использовать модель МНК как основную, а 2МНК – как проверку робастности выводов.

Коэффициент при лаге зависимой переменной значим в обеих моделях (0,493; $p < 0,001$ в МНК и 0,333; $p = 0,040$ в 2МНК). Миграционный прирост демонстрирует высокую инерцию: от трети до половины отклонения от равновесного уровня сохраняется в следующем квартале. Содержательно этот результат отражает два механизма. Во-первых, действие эффекта социальных сетей: ранее прибывшие мигранты формируют связи, снижающие издержки переезда для последующих потоков. Во-вторых, наличие эффекта запаздывания: мигранты, въехавшие в предшествующих кварталах, выбывают по истечении сроков регистрации, непосредственно влияя на текущее значение прироста. Значение мультипликатора $1/(1-\beta_4)$,

³⁰ Newey – West, полоса пропускания 3, ядро Бартлетта.

³¹ AIC, BIC, Adj R².

равное примерно 2,0 в МНК-спецификации, означает, что краткосрочные эффекты всех факторов в долгосрочном периоде примерно удваиваются.

Таблица 3

Результаты оценивания моделей миграционного прироста

Table 3

Results of the migration growth models estimation

Параметры	МНК		2МНК	
Факторные переменные				
X	β	p-значение	β	p-значение
const	-75 196,1	0,0814 *	-68 523,9	0,1362
Migr ₋₁	0,493	<0,0001 ***	0,333	0,0395 **
Rubl	363,8	0,0234 **	314,6	0,0513 *
Wage	435,7	0,0073 ***	419,4	0,0065 ***
ln(Urals)	13 986,3	0,1508	15 140,6	0,1510
Covid	-8 082,7	0,3155	-9 626,0	0,2544
SVO	-13 076,6	0,0878 *	-14 962,6	0,0970 *
Patent	12 393,6	0,0451 **	13 207,1	0,0445 **
Quota	-9 055,0	0,0964 *	-10 611,2	0,0922 *
Некоторые критерии				
n	72		71	
Adj R ²	0,443		0,425	
F (p)	13,0 (<0,001)		9,27 (<0,001)	

Примечание: *** $p < 0,01$ (фактор статистически значим на 1%-м уровне); ** $p < 0,05$ (на 5%-м уровне); * $p < 0,10$ (на 1%-м уровне)

Источник: расчеты автора

Наиболее устойчивым фактором выступает реальная начисленная заработная плата: коэффициент значим на 1%-м уровне в обеих спецификациях: +435,7 и +419,4 соответственно. То есть рост реальной заработной платы на 1 п. п. увеличивает квартальный миграционный прирост примерно на 420–436 человек, а с учетом долгосрочного мультипликатора – до 630–870 человек.

Реальный эффективный курс рубля значим на 5%-м уровне в МНК (+363,8) и на 10%-м уровне в 2МНК (+314,6). Содержательно это объясняется тем, что укрепление рубля повышает реальную покупательную способность доходов мигрантов, номинированных в рублях, относительно потребления в странах исхода, что усиливает приток.

Цена нефти марки «Юралс»³² не оказывает самостоятельного значимого влияния ($p = 0,151$ в обеих моделях). Данный результат свидетельствует о том, что влияние данного показателя опосредовано бюджетными доходами, курсом рубля, заработной платой, поэтому после включения переменных Wage и Migr₋₁ сырьевая конъюнктура теряет собственный вклад. Иными словами, на миграционные потоки влияет не цена нефти как таковая, а ее трансляция во внутренние доходы.

Введение патентов для трудовых мигрантов значимо на 5%-м уровне (+12 393,6 в МНК; +13 207,1 в 2МНК), то есть реформа увеличила миграционный прирост

³² В моделях значения этой переменной были логарифмированы из-за большого разброса.

примерно на 12–13 тыс. человек в квартале. Однако этот эффект не стоит трактовать как «патенты привлекли мигрантов». Скорее роль сыграл механизм административного учета: патентная система легализовала пребывание десятков тысяч трудовых мигрантов, и они впервые попали в официальную статистику.

Сокращение квот на РВП значимо на 10%-м уровне ($-9\,055,0$ и $-10\,611,2$ соответственно) и подтверждает действенность административных ограничений: жесткость квотирования снижает приток на 9–11 тыс. человек за квартал. Оба эффекта устойчивы к выбору метода оценивания.

Начало СВО значимо на 10%-м уровне и является наиболее сильным по модулю отрицательным фактором модели: $-13\,076,6$ в МНК и $-14\,962,6$ в 2МНК, то есть снижение квартального прироста на 13–15 тыс. человек. Устойчивость эффекта в обеих спецификациях подтверждает его надежность.

Пандемия COVID-19, напротив, оказалась статистически незначима ($p = 0,316$ в МНК; $p = 0,254$ в 2МНК), но это артефакт динамики, который объясняется разнонаправленностью пандемийных эффектов: закрытие границ сокращало приток, тогда как приостановка сроков регистрации (Указ № 274) искусственно завышала прирост за счет неучтенных выбытий – итоговое воздействие взаимно погашается.

Исключение из модели факторов безработицы, санкций, изменения правил регистрации – самостоятельный результат. То, что они не прошли отбор, само по себе содержательно. Это означает, что состояние российского рынка труда слабо влияет на приток (миграция определяется доходами, а не вакансиями), а количество санкций не несет информации сверх дамми СВО, то есть мигранты реагируют на сам факт конфликта и ограничений, а не на интенсивность санкционного давления.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о двусторонней связи между миграционной политикой и потоками, но с существенным уточнением: в России политика чаще реагирует на уже произошедшие сдвиги, чем формирует их. Это развивает наблюдение М. Б. Денисенко и О. С. Чудиновских о разрыве между декларативными целями и практическими механизмами [3], но переводит его из содержательной плоскости во временную: политика догоняет реальность, а не управляет ею. Частота поправок, которую С. М. Попова, А. А. Яник и С. Ф. Карпова считают признаком «адаптивного характера» политики [4], в этой оптике выглядит скорее как симптом реактивного режима – система не предотвращает разрывы, а пытается осмыслить их постфактум. Вместе с тем институциональное ядро остается устойчивым, что соответствует выводу М. А. Парфеновой о стабильности опорных категорий при смене дискурсивного фокуса [5]. Однако целеполагание меняется радикально – от «ресурса компенсации естественной убыли» до «лишь дополнительного инструмента в экономической сфере». Смена парадигмы происходит при сохранении институциональной преемственности. С теоретической точки зрения К. Телен описывает такую ситуацию как «дрифтовое изменение», когда формальные правила остаются прежними, но их реальные эффекты трансформируются под воздействием внешних условий [20].

Сравнительный анализ трех концепций (табл. 1) показывает, что селективный подход впервые оформлен как набор конкретных механизмов: целевой оргнабор, ценностный фильтр, ограничение пребывания неработающих членов семей, цифровой профиль и биометрическая идентификация. Д. Е. и К. Х. Рахимовы охарактеризовали новый этап как переход к «секьюритизированной модели контролируемого пребывания» [11]. Однако отметим, что у селекции есть и позитивная сторона: Концепция не только ограничивает «нежелательных», но и приглашает «своих» – иностранцев, разделяющих российские духовно-нравственные ценности или обладающих требуемыми трудовыми навыками. Следовательно, вывод А. К. Эгембердиева о приоритете безопасности над экономическими интересами [9] нуждается в дополнении: биометрия и цифровой профиль – не самоцель, а инструмент селекции, обеспечивающий дифференцированный режим пребывания.

Содержательная интерпретация выявленных структурных разрывов позволяет уточнить природу реактивности миграционной политики. Оба устойчивых перелома отражают не смену доктринальных установок, а давление внешних условий, которые Концепции фиксируют постфактум. Первый из них связан с исчерпанием модели экстенсивного привлечения мигрантов, сложившейся в 2011–2014 гг. Девальвация рубля, ужесточение законодательства и эффект запаздывания выбытий привели к снижению миграционного притока задолго до того, как это было осмыслено в Концепции 2019 г. Второй перелом имеет иную природу – он отражает шоковый период, вызванный воздействием геополитической турбулентности и санкционного давления. Примечательно, что он произошел на фоне рекордного дефицита рабочей силы: экономика остро нуждалась в мигрантах, но не могла их привлечь. Это означает, что снижение притока было следствием не целенаправленной политики ограничения, а снижения привлекательности России как принимающей страны.

Регрессионный анализ уточняет, какие же механизмы определяли динамику прироста в рассматриваемый период. Наиболее устойчивым фактором выступает реальная заработная плата, что соответствует неоклассической логике: миграция определяется соотношением доходов, а не наличием вакансий. Реальный эффективный курс рубля также значим, что указывает на важность валютного фактора. Реальные меры управления миграцией и практика правоприменения также играют значимую роль. Так, введение патентов способствовало выводу из «тени» большого количества мигрантов. Сокращение квот на РВП, напротив, стало действенным административным ограничением. А начало СВО, оказалось наиболее сильным по модулю отрицательным фактором, что подтверждает значимость внешних шоков как самостоятельных драйверов.

Растущее противоречие между интеграционными обязательствами РФ в рамках ЕАЭС и ее национальной политикой секьюритизации создает напряжение, которое будет определять миграционную повестку до 2030 г. С одной стороны, Россия участвует в формировании единого рынка труда ЕАЭС. С другой – новая Концепция вводит ценностный фильтр, целевой набор и ограничения для семей мигрантов, что фактически переопределяет характер миграции в рамках союза – от свободного перемещения к контролируемому доступу. М. С. Иванов обосновывает

необходимость единого миграционного пространства и цифровых решений [6], но селективный отбор вступает с этим в конфликт. Л. Ф. Деловарова и Н. Султанмуратов показывают, что государства Центральной Азии заинтересованы в сохранении доступа к российскому рынку труда [7], тогда как Россия склоняется к ограничению и отбору. Совместимость этих целей – открытый вопрос. Если курс на селективность сохранится, следствием может стать переориентация трудовых потоков на другие рынки (Турция, Китай, страны Персидского залива) и снижение объемов переводов в Центральную Азию.

Исследование имеет ряд ограничений. Как отмечено в разделе «Материалы и методы», работа останавливается на прослеживании смены миграционных режимов на макроуровне. Агрегированные данные не позволяют судить о мотивах мигрантов, фактических сроках их пребывания, составе семей и реальных практиках трудоустройства и адаптации. Без выборочных обследований и микроданных невозможно различить типы миграции и оценить, как заявленные в концепциях принципы селекции и качественного отбора реализуются на уровне отдельных граждан. Официальные выборочные наблюдения труда мигрантов проводились Росстатом в 2014 и 2019 гг., а в 2024 г. были исключены из федерального плана статистических работ³³. Эти наблюдения предшествуют периоду шоков и не дают возможности получить сопоставимые данные о современных характеристиках миграционных потоков.

Еще одно серьезное ограничение связано с высокой чувствительностью данных Росстата к методологическим изменениям. Переход на ежедневный электронный сбор в 2024 г. привел к аномальному значению в IV кв., из-за чего 2024–2025 гг. исключены из анализа разрывов – выводы относятся к периоду до 2023 г. включительно. Регрессионная модель даже на полном ряде из 72 наблюдений имеет ограниченную мощность, а отдельные сегменты содержат слишком мало наблюдений, что делает оценки МНК на сегментах крайне ненадежными.

Дальнейшие исследования могли бы использовать микроданные для различения трудовых мигрантов и эмигрантов, проанализировать региональную дифференциацию потоков, оценить эффективность целевого набора после 2025 г.³⁴, в том числе по количеству участников, доле замещенных вакансий, соблюдению условий труда, длительности прибытия мигрантов и др.

Заключение

Главный эмпирический результат работы состоит в том, что периодизация миграционной политики России не совпадает с периодизацией самих миграционных процессов. Это свидетельствует о том, что динамика последних определяется иными факторами, а Концепции государственной миграционной политики

³³ Численность российских трудовых мигрантов, привлекавшихся домохозяйствами для выполнения работ (человек, Россия) (2014–2019) // НЦСЭД : [сайт]. URL: https://repository.nsedc.ru/dataset/emiss_51580 (дата обращения: 12.02.2026).

³⁴ Под целевым набором здесь понимается предусмотренный Концепцией 2026–2030 гг. механизм организованного привлечения иностранных работников под конкретные вакансии и заявки работодателей, включая квотирование, цифровые платформы и контроль условий пребывания.

выступают в первую очередь как рамочные документы, устанавливающие общие, базовые принципы, а в чем-то и осмысляющие изменения реальности постфактум.

Проверка устойчивости структурных разрывов на полной и сокращенной выборках показала, что из пяти разрывов, выявленных на полной выборке, устойчивыми являются только два: в III кв. 2016 г. и II кв. 2023 г. Разрыв II кв. 2011 г. отражает смену методологии учета, разрывы 2020 и 2021 гг. – краткосрочные шоки, не образующие самостоятельных режимов.

Содержательная интерпретация устойчивых разрывов показывает, что они имеют разную природу. Перелом 2016 г. связан с исчерпанием модели экстенсивного привлечения, а 2023 г. – с ослаблением стимулов к миграции под воздействием геополитической неопределенности, санкционного давления, а также выездом зарубеж части граждан РФ. При этом оба устойчивых перелома наступили раньше, чем соответствующие изменения в миграционной политике.

Регрессионный анализ позволил уточнить, какие факторы определяли динамику миграционного прироста. Наиболее устойчивым фактором выступает реальная заработная плата, за ней следуют реальный эффективный курс рубля, введение патентов и сокращение квот на РВП. Начало СВО оказало наиболее сильное отрицательное влияние.

Предложенный подход можно использовать как диагностический инструмент при мониторинге реализации Концепции 2026–2030 гг. Если разрыв в динамике миграционного прироста не следует за изменением нормативно-правовой базы – это действие внешних факторов, а не смена политики. Если нормативная база меняется без разрыва в потоках – меры носят декларативный характер. Такой критерий позволяет разграничивать содержательные и формальные изменения.

В целом за выявленными структурными разрывами стоит фундаментальная трансформация миграционной системы России от «количественного набора» к «качественному отбору» и от реактивной адаптации к попыткам проактивного управления. Насколько успешной окажется ее трансформация, во многом зависит от того, сможет ли нормативная база перестать догонять реальность и начать ее формировать.

Список литературы

1. Zlotnik, H. The Global Dimensions of Female Migration // Migration Information Source. 2003. URL: <https://www.migrationpolicy.org/journal/feature/global-dimensions-female-migration>
2. de Haas, H. The Determinants of International Migration: Conceptualising Policy, Origin and Destination Effects // IMI Working Papers. 2011. № 32. 35 p.
3. Денисенко, М. Б. Причины нереализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации / М. Б. Денисенко, О. С. Чудиновских // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. С. 31–41. EDN [ZXLTQZ](#).
4. Попова, С. М. Анализ изменчивости правовых основ миграционной политики в России (1990–2023) в контексте эффективности управления миграцией / С. М. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова // Право и политика. 2024. № 6. С. 66–89. DOI [10.7256/2454-0706.2024.6.71064](#). EDN [HRHOPC](#).
5. Парфенова, М. А. Терминосистема государственной миграционной политики Российской Федерации: диахронический анализ юридических терминов и дискурсивного фокуса (2012–2025) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, № 5. С. 2024–2033. DOI [10.30853/phil20260257](#). EDN [IDIFZJ](#).

6. Иванов, М. С. Эволюция миграционной политики стран Евразийского экономического союза // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 157–173. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10). EDN [YTHDXP](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2025.5.2.10).

7. Delovarova, L. F. Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities / L. F. Delovarova, N. Sultanmuratov // DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 3. P. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5). EDN [OEFKFC](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2023.3.3.5).

8. Бытко, С. Ю. Концепция миграционной политики 2026–2030: характеристика и сравнительный анализ с концепцией 2019–2025 / С. Ю. Бытко, Ю. Е. Пугачев // Научный журнал. 2025. № 4(75). С. 10–14. EDN [ZPUSTG](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2025.4.75.10).

9. Эгембердиев, А. К. Новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы – существенные изменения миграционной политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14, № 10(75). С. 2191–2199. DOI [10.35775/PSI.2025.75.10.003](https://doi.org/10.35775/PSI.2025.75.10.003). EDN [FCKRHX](https://www.edn.ru/10.35775/PSI.2025.75.10.003).

10. Бурда, М. А. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: миграция и национальная безопасность // Власть. 2026. Т. 34, № 3. С. 181–191. DOI [10.24412/2071-5358-2026-3-181-191](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2026-3-181-191). EDN [PKBXUU](https://www.edn.ru/10.24412/2071-5358-2026-3-181-191).

11. Рахимов, Д. Е. Трансформация концептуальных основ миграционной политики Российской Федерации в условиях современных геополитических вызовов / Д. Е. Рахимов, К. Х. Рахимов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2026. Т. 16, № 4. С. 118–125. DOI [10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125). EDN [FRGHNM](https://www.edn.ru/10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125).

12. Масланов, К. Д. Миграционные потоки из стран Центральной Азии: новые вызовы и возможности / К. Д. Масланов, Д. А. Тарасова // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1(58). С. 152–160. DOI [10.20542/2073-4786-2023-1-152-160](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-152-160). EDN [IBCQDK](https://www.edn.ru/10.20542/2073-4786-2023-1-152-160).

13. Карцева, М. А. Новые эмигранты и российский рынок труда: эмпирический анализ / М. А. Карцева, Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4(211). С. 121–132. DOI [10.47711/0868-6351-211-121-132](https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132). EDN [BVKIAQ](https://www.edn.ru/10.47711/0868-6351-211-121-132).

14. Юдина, Т. Н. Факторная архитектура миграционных потоков в странах постсоветского пространства: от интеграции к турбулентности (2000–2025) // PolitBook. 2026. № 2. С. 22–44. DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-22-44](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44). EDN [XHEHMS](https://www.edn.ru/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44).

15. Рыбаковский, О. Л. Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 1. С. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). EDN [RASPFZ](https://www.edn.ru/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16).

16. Сугоняев, К. В. Какие факторы оказывают более существенное влияние на межрегиональные миграционные потоки в России? // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 2. С. 57–75. DOI [10.19181/demis.2022.2.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5). EDN [GMBQSS](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2022.2.2.5).

17. Zeileis, A. Testing and Dating of Structural Changes in Practice / A. Zeileis, C. Kleiber, W. Krämer, K. Hornik // Computational Statistics & Data Analysis. 2002. Vol. 44. № 1–2. Pp. 109–123. DOI [10.1016/S0167-9473\(03\)00030-6](https://doi.org/10.1016/S0167-9473(03)00030-6).

18. Мкртчян, Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99. EDN [ZLDEXI](https://www.edn.ru/10.19181/demis.2020.7.1.83-99).

19. Щербакова, Е. Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним – 107 // Демоскоп Weekly. 2012. № 501–502. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php#1>

20. Thelen, K. How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills in Germany, Britain, the United States, and Japan. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 335 p. ISBN 978-0-521-54674-4. DOI [10.1017/CBO9780511790997](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790997).

Сведения об авторе

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); РИНЦ SPIN-код: [6995-4829](https://elibrary.ru/spin.asp?id=6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

TRANSFORMATION OF RUSSIA'S MIGRATION POLICY IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES AND GEOPOLITICAL TURBULENCE (2012–2025)

Evgeniya M. Moiseeva

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Moiseeva, E. M. Transformation of Russia's Migration Policy in the Context of Integration Processes and Geopolitical Turbulence (2012–2025). *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 255–279. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.15). (In Russ.)

Abstract. The article examines the transformation of Russia's state migration policy in 2012–2025 and its relationship with the dynamics of migration flows. Three successive concepts (2012, 2018, 2025) declare a transition from quantitative targets to a qualitatively balanced model; however, verification of the declared shift against empirical data yields ambiguous results. The study hypothesises that the dynamics of net migration contain structural breaks driven by institutional changes and external shocks, while the relationship between migration policy and migration flows is bidirectional: policy not only shapes flows but also adapts to shifts that have already occurred. The study draws on legal and regulatory documents and official quarterly statistics for 2006–2025. The conclusions pertain to the period through 2023 inclusive, since the transition to electronic data collection in 2024 created a methodological break that requires separate adjustment of indicators for further research. The Bai–Perron procedure was applied to identify structural breaks in two specifications, along with a regression analysis of the factors of migration growth. A comparison of results on the full sample (2006–2024) and the reduced sample (2011–2024) showed that two breaks are stable: 2016Q3 and 2023Q2. The 2011Q2 break reflects a change in accounting methodology, and the 2020–2021 breaks are short-term shocks. Thus, the periodisation of migration policy does not coincide with the periodisation of migration processes, which points to the reactive character of the Concepts as framework documents. The regression analysis showed that real wages and the real effective exchange rate of the ruble have a significant positive effect on net migration; the introduction of patents increased recorded migration growth, while the reduction of quotas for temporary residence permits decreased it; the start of the Special Military Operation had the strongest negative effect. The results can be used to monitor the implementation of the 2026–2030 Concept and to forecast migration processes in the post-Soviet space.

Keywords: migration policy, migration processes, structural breaks, transformation, securitisation, EAEU, post-Soviet space, geopolitical turbulence, labour migration, emigration, selective approach, migration policy concept, statistical analysis

References

1. Zlotnik, H. The Global Dimensions of Female Migration. *Migration Information Source*. 2003. URL: <https://www.migrationpolicy.org/journal/feature/global-dimensions-female-migration>
2. de Haas, H. The Determinants of International Migration: Conceptualising Policy, Origin and Destination Effects. *IMI Working Papers*. 2011. No. 32. 35 p.
3. Denisenko, M. B., Chudinovskikh, O. S. Prichiny nerealizatsii polozheniy Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Reasons for the Non-Implementation of the Provisions of the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation]. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 753–754. Pp. 31–41. (In Russ.).
4. Popova, S. M., Yanik, A. A., Karpova, S. F. Analysis of the Mutability of the Legal Framework for Migration Policy in Russia (1990–2023) in the Context of the Effectiveness of Migration Governance. *Law and Politics*. 2024. No. 6. Pp. 66–89. DOI [10.7256/2454-0706.2024.6.71064](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.6.71064). (In Russ.).
5. Parfenova, M. A. The Terminology System of the State Migration Policy of the Russian Federation: A Diachronic Analysis of Legal Terms and Discursive Focus (2012–2025). *Philology. Theory & Practice*. 2026. Vol. 19, No. 5. Pp. 2024–2033. DOI [10.30853/phil20260257](https://doi.org/10.30853/phil20260257). (In Russ.).
6. Ivanov, M. S. Evolution of Migration Policy in the Countries of the Eurasian Economic Union. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 2. Pp. 157–173. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.10). (In Russ.).

7. Delovarova, L. F., Sultanmuratov, N. Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5).

8. Bytko, S. Yu., Pugachev, Yu. E. Kontseptsiya migratsionnoy politiki 2026–2030: kharakteristika I sravnitel'nyy analiz s kontseptsiyey 2019–2025 [The Concept of Migration Policy 2026–2030: Characteristics and Comparative Analysis with the Concept 2019–2025]. *Scientific Magazine*. 2025. No. 4 (75). Pp. 10–14. (In Russ.).

9. Egembardiev, A. K. New Concept of State Migration Policy of the Russian Federation For 2026–2030 – Significant Changes in Migration Policy. *Eurasian Union: Issues of International Relations*. 2025. Vol. 14, No. 10 (75). Pp. 2191–2199. DOI [10.35775/PSI.2025.75.10.003](https://doi.org/10.35775/PSI.2025.75.10.003). (In Russ.).

10. Burda, M. A. The Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation For 2026–2030: Migration and National Security. *Vlast'*. 2026. Vol. 34, No. 3. Pp. 181–191. DOI [10.24412/2071-5358-2026-3-181-191](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2026-3-181-191). (In Russ.).

11. Rakhimov, D. E., Rakhimov, K. Kh. Transforming the Conceptual Framework of Russian Migration Policy amid Contemporary Geopolitical Challenges. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026. Vol. 16, No. 4. Pp. 118–125. DOI [10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2026-16-4-118-125). (In Russ.).

12. Maslanov, K. D., Tarasova, D. A. Migratsionnyye potoki iz stran Tsentral'noy Azii: novyye vyzovy i vozmozhnosti [Migration Flows from Central Asian Countries: New Challenges and Opportunities]. *Russia and New States of Eurasia*. 2023. No. 1 (58). Pp. 152–160. DOI [10.20542/2073-4786-2023-1-152-160](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-152-160). (In Russ.).

13. Kartseva, M. A., Florinskaya, Yu. F. New Emigrants and the Russian Labor Market: An Empirical Analysis. *Studies on Russian Economic Development*. 2025. No. 4 (211). Pp. 121–132. DOI [10.47711/0868-6351-211-121-132](https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132). (In Russ.).

14. Yudina, T. N. The Factor Architecture of Migration Flows in the Post-Soviet Countries: from Integration to Turbulence (2000–2025). *PolitBook*. 2026. No. 2. Pp. 22–44. DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-22-44](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-22-44). (In Russ.).

15. Rybakovsky, O. L. Economic Factors in the Demography of Russian Regions (2017–2023). *Population*. 2025. Vol. 28, No. 1. Pp. 4–16. DOI [10.24412/1561-7785-2025-1-4-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16). (In Russ.).

16. Sugonyaev, K. V. Which Matters More for Migration: Evidence from Russian Regions' Data. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 2. Pp. 57–75. DOI [10.19181/demis.2022.2.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5). (In Russ.).

17. Zeileis, A., Kleiber, C., Krämer, W., Hornik, K. Testing and Dating of Structural Changes in Practice. *Computational Statistics & Data Analysis*. 2002. Vol. 44, No. 1–2. Pp. 109–123. DOI [10.1016/S0167-9473\(03\)00030-6](https://doi.org/10.1016/S0167-9473(03)00030-6).

18. Mkrtchyan, N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 1. Pp. 83–99. (In Russ.).

19. Shcherbakova, E. Migratsionnyy prirost naseleniya Rossii za 2011 god po novym pravilam ucheta sostavil 320 tysyach chelovek, a po prezhnim – 107 [Migration Growth of the Russian Population in 2011 Under the New Accounting Rules Amounted to 320 Thousand People, and Under the Previous Ones – 107]. *Demoscope Weekly*. 2012. No. 501–502. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php#1> (In Russ.).

20. Thelen, K. *How Institutions Evolve: The Political Economy of Skills in Germany, Britain, the United States, and Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 335 p. ISBN 978-0-521-54674-4. DOI [10.1017/CBO9780511790997](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790997).

Bio note

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN-code: [6995-4829](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Received on 13.03.2026; accepted for publication 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Параметры и результаты двух спецификаций процедуры Бай – Перрона

Table 1

Parameters and results of the two Bai – Perron specifications

Параметр	Полная выборка	Сокращенная выборка
Выборка	2006 г. I кв. – 2024 г. II кв.	2011 г. I кв. – 2024 г. II кв.
Число наблюдений	74	54
Метод отбора разрывов	Highest significant	Highest significant
Тримминг	0,05	0,05
Максимум разрывов	5	5
Уровень значимости	0,10	0,10
НАС-ошибки	Ньюи – Уэста, bw = 4	Ньюи – Уэста, bw = 4
Число разрывов	5	2
Даты разрывов	2011 II, 2016 III, 2020 II, 2021 I, 2023 II	2016 III, 2023 II
Число сегментов	6	3
R ²	0,548	0,493
Скорректированный R ²	0,514	0,473
SSR	1,40·10 ¹⁰	1,36·10 ¹⁰
S.E. модели	14 367	16 321
Статистика DW	1,529	1,635
F-статистика	16,46 (p < 0,0001)	24,80 (p < 0,0001)
AIC	22,061	22,292
SC (BIC)	22,248	22,403

Примечание. Значения AIC и SC несопоставимы напрямую между спецификациями, поскольку модели оценены на разных выборках; сравнение информационных критериев корректно только внутри одной выборки. В обеих спецификациях BIC модели со сдвигами ниже, чем у модели без сдвигов (22,25 против 22,76 при N = 74; 22,40 против 22,95 при N = 54), что подтверждает наличие структурных изменений.

Таблица 2

Сопоставление средних уровней по сегментам двух спецификаций

Table 2

Comparison of segment means across the two specifications

Сегмент	Полная выборка (N = 74)	Сокращенная выборка (N = 54)
2006 г. I кв. – 2011 г. I кв.	51 263 (n = 21)	–
2011 г. II кв. – 2016 г. II кв.	72 300 (n = 21)	71 772 (n = 22)
2016 г. III кв. – 2020 г. I кв.	53 721 (n = 15)	–
2016 г. III кв. – 2023 г. I кв.	–	51 093 (n = 27)
2020 г. II кв. – 2020 г. IV кв.	20 244 (n = 3)	–
2021 г. I кв. – 2023 г. I кв.	56 996 (n = 9)	–
2023 г. II кв. – 2024 г. II кв.	18 312 (n = 5)	18 312 (n = 5)

Примечание. В сокращенной выборке сегмент включает 2011 г. I кв., тогда как в полной начинается с 2011 г. II кв.; различие средних (71 772 против 72 300) объясняется включением одного дополнительного наблюдения (60 697), лежащего ниже среднего по сегменту.